

Елена Зиновьева

ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ, МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ

Термин *цифровая дипломатия*, распространенный наряду с понятиями *интернет-дипломатия*, *дипломатия социальных сетей* и *Web 2.0 дипломатия*, впервые начал использоваться применительно к внешней политике США. В частности, под ним подразумевалось широкое использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), в том числе *новых медиа*, социальных сетей, блогов и тому подобных медиаплощадок в глобальной сети для содействия государственным органам для осуществления функций и коммуникаций по вопросам, связанным с внешнеполитической повесткой дня¹. В настоящее время программы *цифровой дипломатии* реализуются не только США, но и рядом других государств. В частности, возможность перехода к *цифровой дипломатии* рассматривается также государствами НАТО².

К
О
М
М
У
Н
И
Т
А
Т
И
И

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕРМИНА И ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ

Правительство США определяет цифровую дипломатию как применение социальных сетей в дипломатической практике правительства США для обеспечения взаимодействия американских дипломатов с зарубежными пользователями интернета³. Цифровая дипломатия США — одно из направлений публичной дипломатии, ориентированной на вовлечение в дипломатическую практику широких слоев населения, а не на взаимодействие с политической и дипломатической элитой зарубежных государств. Как отмечает российский исследователь Н. А. Цветкова, методами *публичной дипломатии Web 2.0* являются «размещение радио- и телепередач в сети интернет, распространение в открытом доступе литературы о США в цифровом формате, мониторинг дискуссий в блог-пространстве, создание персонализированных страничек членов правительства США в социальных сетях, а также рассылка информации через мобильные телефоны»⁴.

Реализация программ *цифровой дипломатии* США проводится с опорой на крупные компании интернет-индустрии, среди которых лидирующие позиции занимает корпорация *Google*. Отправной точкой для активизации политики Государственного департамента в цифровой сфере стало осознание потенциала воздействия интернета на значительное число пользователей персональных компьютеров и обладателей мобильных телефонов в мире. Действительно, на сегодняшний день более 30% населения планеты являются активными пользователями интернета, и цифра эта постоянно растет⁵.

Ключевым для понимания сути *цифровой дипломатии* является тот факт, что она представляет собой *технологический* инструмент. В основе внешней политики и *цифровой дипломатии* Соединенных Штатов заложены идейные основания, которые эффективно воплощают бизнес-модель и информационная политика *Google*,

Facebook, Twitter и других компаний американской интернет-индустрии — и прежде всего ценность демократии и либеральных свобод. Философские основы *цифровой дипломатии* были изложены в трудах Энн-Мэри Слотер, которая с 2009 по 2011 г. занимала пост директора по политическому планированию в Государственном департаменте США. В частности, по мнению госпожи Слотер, государства, обладающие наиболее налаженными и разветвленными информационными каналами и коммуникациями, способны определять глобальную повестку дня⁶.

Программы *цифровой дипломатии* в США получили развитие в 2002–2003 гг., когда администрация Джорджа Буша-младшего начала переносить традиционные радио- и телеканалы международного вещания в интернет. В 2006 г. госсекретарь Кондолиза Райс сформировала Группу цифрового взаимодействия, в состав которой вошли специалисты, занимающиеся мониторингом информации и дезинформации о США, которую транслировали пользователи в социальных сетях. Тогда же госсекретарь объявила о запуске первого официального блога Госдепа, открыла правительственный портал и несколько электронных журналов⁷.

Хиллари Клинтон, получившая пост госсекретаря в администрации Барака Обамы в 2009 г., стала инициатором программы обновления внешней политики США, которая получила название «Государственное управление в XXI веке». Одним из направлений данной программы и стала цифровая дипломатия. Инициатива Госдепа предполагает дополнение традиционного инструментария внешней политики инновационными инструментами госуправления, которые будут направлены на то, чтобы полностью реализовать потенциал сетей, технологий, а также населения во взаимозависимом мире⁸. При Хиллари Клинтон цифровая дипломатия была выведена на новый политический уровень, перед ней были поставлены значимые для внешней политики США цели, такие как информационная дискредитация идеологии Аль-Каиды, Талибана и других различных антиамериканских движений, а также борьба против политических режимов в Иране, Китае и в ряде других стран посредством мобилизации протестного молодежного движения и нового движения диссидентов⁹.

В настоящее время американские программы *цифровой дипломатии* реализуются в рамках различных ведомств, в том числе Госдепартамента, ЦРУ, Министерства обороны, а также Агентства международного развития США. Координацию публичной дипломатии в интернете по состоянию на сентябрь 2012 г. осуществляли заместитель госсекретаря по вопросам публичной дипломатии Тара Соненшайн, ответственная за продвижение в глобальной сети американских теле- и радиоканалов, ориентированных на зарубежную аудиторию, и старший советник по инновациям Алек Росс, занимающийся работой с социальными сетями.

В 2010–2011 гг. Белым домом были опубликованы несколько официальных документов, задающих направления *цифровой дипломатии*. В их числе был документ «Публичная дипломатия: укрепление взаимодействия Соединенных Штатов с миром»¹⁰, где обозначались задачи, определяемые руководством США для цифровой дипломатии. В частности, в список таких задач вошли:

- дискредитация идеологических противников Соединенных Штатов;
- противодействие информационной деятельности Китая в интернете;
- ограничение медиаприсутствия России на пространстве бывшего Советского Союза;
- противодействие внешней культурной политике Ирана, осуществляемой через социальные сети¹¹.

В задачи *цифровой дипломатии* также входит поддержка молодежных движений. Одним из наиболее успешных стало организованное с помощью социальной сети Facebook движение, которое переросло в массовую волну протестов против Рево-

люционных вооруженных сил Колумбии — Армии народа в 2008 г.¹². Чуть позже при американской инициативе был создан так называемый Альянс молодежных движений, который объединил молодых людей, желающих использовать новые технологии в политических целях. На сайте *Альянса* размещены инструкции по созданию блогов и запуску кампаний в социальных медиа¹³.

Важную роль в осуществлении *цифровой дипломатии* США в странах Ближнего Востока играет Команда по цифровым внешним контактам (Digital Outreach Team), которая была создана в 2006 г. В задачи команды входит участие в дискуссиях по вопросам внешней политики США с пользователями популярных сайтов на арабском и персидском языках, а также урду. До середины 1990-х гг. публичная дипломатия США осуществлялась в основном при помощи Информационного агентства США, чьи методы работы предполагали лишь одностороннее взаимодействие. После начала войны в Ираке в 2003 г. администрацией Джорджа Буша-младшего был дан старт использованию радио и телевидения как инструментов публичной дипломатии. Однако население стран Ближнего Востока изначально относилось к предоставляемой информации с недоверием. В этих условиях стала очевидна необходимость диалога и *интерактивного* взаимодействия, что и стало целью создания Команды по цифровым внешним контактам. Согласно информации Бюро международных программ, миссия команды состоит в «разъяснении внешней политики США и борьбе с дезинформацией»¹⁴.

Спустя несколько месяцев после речи Хиллари Клинтон о свободе интернета, в мае 2010 г. была опубликована Международная стратегия США по действиям в киберпространстве¹⁵. В соответствии с положениями документа, защита прав человека и прежде всего свободы слова в интернете является одним из приоритетов внешней политики США. В сентябре 2010 г. Госдепартамент разработал документ под названием «Стратегический план развития информационных технологий в 2011–2013 гг.: цифровая дипломатия»¹⁶, в котором уточнялись и конкретизировались направления *цифровой дипломатии*, помещенные в контекст реализации внешнеполитических приоритетов Вашингтона. В частности, среди таких приоритетов значились обеспечение международной безопасности и формирование позитивного образа страны за рубежом.

Кроме того, реализация программ *цифровой дипломатии* предполагает следующие направления деятельности:

- ❑ финансирование проектов по созданию и распространению новых технологий, позволяющих обходить цензуру в сети;
- ❑ создание информационных сервисов, направленных на поддержку оппозиции в авторитарных странах;
- ❑ создание систем *теневого интернета* и независимых сетей мобильной связи, развертывание которых на территории третьих стран позволит борцам с авторитарными режимами обмениваться информацией в режиме онлайн, обходя запреты властей¹⁷.

Параллельно в США был принят ряд документов, затрагивающих военно-политические аспекты развития интернета. В июне 2011 г. была частично опубликована Стратегия по действиям в киберпространстве Пентагона¹⁸. В этом документе киберпространство рассматривается как *пространство ведения боевых действий* наряду с наземным, морским и воздушным, а также космическим пространствами¹⁹. Стратегия Министерства обороны развивает подход ранее принятой администрацией Барака Обамы Стратегии национальной безопасности от 2010 г.²⁰, в которой киберпространство также рассматривается как потенциальное *поле боя*.

Как представляется, внешнеполитическая стратегия Белого дома в глобальной информационной сфере носит целостный характер и направлена на реализацию

американских национальных интересов. Таким образом, цели *цифровой дипломатии* следует рассматривать как взаимодополняющие по отношению к задачам военно-политического характера по обеспечению лидерства США в глобальной информационной сфере. Оценивая международную политику Соединенных Штатов в данной сфере, российский эксперт Е. А. Роговский приходит к выводу о том, что конечной целью является содействие достижению и удержания США глобального лидерства²¹.

В 2011 г. программы *цифровой дипломатии* привлекли к себе существенное внимание, прежде всего, вследствие массовых волн протеста в странах Ближнего Востока и Северной Африки, получивших в прессе название *твиттер-революций*. Был опубликован ряд научных статей, оценивающих роль социальных сетей и новых медиа в так называемой *Арабской весне*. По мнению многих российских и зарубежных исследователей, движущей силой во всех протестных движениях была молодежь, которая стала совершенно новой, не оформленной идеологически политической силой. При этом была продемонстрирована самостоятельная роль интернета и СМИ. Однако в то же время, по мнению ряда экспертов, социальные сети, являясь нейтральными каналами коммуникации, не сыграли определяющей роли в событиях *Арабской весны*. Утверждается, что в данных событиях социальные сети выступили в роли катализатора массовых протестов, глубинные же причины происходящего были обусловлены конкретной социально-экономической, политической и религиозной ситуацией в этих странах²².

Однако при этом важную роль в *направлении* и оформлении революций сыграла цифровая дипломатия США²³. Официальная позиция Белого дома по поводу событий *Арабской весны* сформулирована в статье старшего советника Хиллари Клинтон по инновациям Алека Росса. Роль социальных сетей в революционных событиях на Ближнем Востоке оценивается как координирующая, однако не первостепенная²⁴. Вместе с тем в той же статье отмечается трансформирующая роль ИКТ в политике и дипломатии. Утверждается, что цифровые технологии являются важным ретранслятором идей и в целом способствуют демократизации и *распылению власти*, как во внутренней, так и в международной политике, хотя и могут использоваться в своих целях диктаторскими и авторитарными режимами. Аналогичные идеи высказывает видный американский политолог Джозеф Най в своей последней книге *Будущее власти*²⁵.

Результаты исследования, проведенного в августе 2010 г. Институтом исследований мира США, показывают, что новые медиа оказывают влияние на общественное мнение, смягчают либо обостряют межгрупповые конфликты, способствуют коллективным действиям, провоцируют негативную обратную реакцию в государствах с авторитарными режимами, а также привлекают международное внимание к определенным странам. Вместе с тем авторы исследования полагают, что сделать однозначные выводы о влиянии социальных сетей на протесты и революции в странах Северной Африки и Ближнего Востока не представляется возможным. Традиционные СМИ до сих пор являются не менее, а зачастую даже более влиятельными по сравнению с социальными медиа²⁶. Исследование *Гражданские инициативы: влияние Facebook и Twitter*, проведенное Дубайской школой управления, показывает, что социальные сети, пользователи которых все чаще ставят перед собой политические задачи, сыграли важную роль в мобилизации граждан и формировании общественного мнения. При этом любопытно, что количество пользователей социальной сети *Facebook* в первые месяцы 2011 г. выросло на 30 %²⁷. Таким образом, исследователи приходят к схожим выводам о значимом, но не первостепенном влиянии социальных медиа на организацию массовых протестов и революций в странах Северной Африки и арабского Востока. Также нет единства в оценках роли программ *цифровой дипломатии* США как катализатора протестных настроений.

В исследовательском сообществе США отношение к *цифровой дипломатии* неоднозначно. Сотрудник Джорджтаунского университета Евгений Морозов обращает внимание на опасности, которые таит в себе широкое применение социальных сетей. Сервисы Web 2.0 предоставляют новые возможности не только дипломатам и прозападно ориентированным группам, но и радикальным организациям²⁸. В свете недавних выборов в Египте, где по результатам парламентских выборов 2012 г. большинство мест в нижней палате получили представители политического крыла организации исламистского толка *Братья-мусульмане*, его выводы представляются не лишены оснований. Более того, по мнению эксперта, глобальная сеть может не только служить эффективным инструментом демократизации, но и способствовать усилению авторитарных тенденций, ограничивающих свободу граждан.

Исследования эффективности программ *цифровой дипломатии* проводились Оксфордским университетом. Команда по цифровым внешним контактам Госдепартамента США инициировала ряд сетевых дискуссий, посвященных речи Барака Обамы в Каире в 2009 г. Контент-анализ сообщений пользователей показал, что их реакция на дискуссии в основном носила негативный характер с выраженным недоверием²⁹.

Как отмечают исследователи, инициативы публичной дипломатии США в странах Ближнего Востока в основном были продиктованы опасениями за имидж США после событий 11 сентября 2001 г. и соображениями национальной безопасности. В таком контексте *война идей* рассматривалась как естественная составная часть *войны против терроризма*. Американский исследователь Джейми Метцл приходит к сходному выводу о том, что использование ИКТ и спутникового телевидения в публичной дипломатии США ставит своей целью «легитимацию использования силы»³⁰.

Рассмотрев в общих чертах понятие *цифровой дипломатии*, ее историю и ключевые особенности, мы можем попытаться определить, какое влияние программы США в этой области оказывают на современную международную безопасность.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ США НА МЕЖДУНАРОДНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

В самом широком смысле безопасность определяется как *неугрожаемое состояние*. Долгое время международная безопасность предполагала отсутствие большой войны, а угрозы носили в основном военно-политический характер. Ключевой проблемой представлялась так называемая *дилемма безопасности*, обретающая актуальность в ситуации, когда усиление одного государства в условиях анархичной международной среды вызывает опасения его партнеров. В результате страны вовлекаются в гонку вооружений, следствием чего является конфликтный цикл, как правило, заканчивающийся войной. Ситуация во многом изменилась в XX в. с появлением ядерного оружия, которое сделало невозможной большую войну между сверхдержавами.

Однако в конце XX — начале XXI в. среда международной безопасности снова претерпевает существенные изменения. Как отмечает видный российский ученый В. М. Кулагин, происходит расширение субъектной и предметной сферы международной безопасности³¹. В роли субъектов международной безопасности выступают не только государства, но и новые *акторы* — террористические сети, транснациональные преступные группировки, частные военные компании. Появляются новые невоенные угрозы — экологическая, экономическая и информационная. Для информационной сферы характерна существенная роль негосударственных субъектов, влияющих на безопасность, — в этой связи нельзя не упомянуть угрозы

киберпреступности и кибертерроризма. Представляется, что угрозы, порождаемые программами и инициативами в рамках *цифровой дипломатии*, необходимо рассматривать в общем контексте информационной безопасности.

В исследовательском сообществе нет консенсуса относительно употребления терминов *информационная безопасность* и *кибербезопасность*, что связано с расхождениями в подходах государств к определению угроз в сфере ИКТ, подлежащих урегулированию на международном уровне³². Обеспечение *информационно-технической* безопасности включает защиту, контроль и соблюдение законности и правопорядка в телекоммуникационной сфере. В частности, в это понятие входят вопросы защиты от несанкционированного доступа, хакерских взломов компьютерных сетей и сайтов, *логических бомб*, компьютерных вирусов и вредоносных программ, несанкционированного использования частот, радиоэлектронных атак и т.д.

Обеспечение же информационно-психологической безопасности предполагает защиту психологического состояния общества и государства от негативного информационного воздействия. Российские исследователи и дипломаты-практики склонны придерживаться второго, расширительного подхода, в то время как первый подход применяется в США, странах ЕС и ряде других государств. В данном исследовании в зависимости от контекста будут использоваться оба термина. Вместе с тем основные угрозы безопасности в связи с реализацией программ *цифровой дипломатии* лежат в более широкой плоскости, чем исключительно технологические и программные, поэтому для настоящей работы характерен широкий подход к пониманию информационной безопасности.

Информационная безопасность появилась в международно-политической повестке дня — и, как следствие, в исследовательском и публицистическом дискурсе — после окончания холодной войны в результате изменения геополитической ситуации и информационной революции. Изначально термин *информационная безопасность* использовался в контексте развития ИКТ для обозначения проблем, порождаемых компьютерными сетями. Впоследствии, однако, он приобрел значительно более широкий смысл, выходящий за рамки исключительно технологической сферы.

Лидерство в области изучения проблем кибербезопасности принадлежит исследовательскому сообществу США. Особо следует выделить концепцию *информационных войн второго поколения*, разработанную аналитиками *RAND Corporation*. В соответствии с данной концепцией, информационные атаки рассматриваются как атаки нового типа в рамках стратегического межгосударственного противоборства. В российской исследовательской литературе информационная безопасность рассматривается в контексте так называемой *триады угроз* международной информационной безопасности, которая включает террористическую, военную и криминальную угрозы.

С позиций реалистского направления в теории международных отношений о наличии угрозы международной безопасности говорят в условиях нарушения баланса сил, чрезмерного усиления какого-либо государства, которое другие страны воспринимают как угрозу собственной безопасности. Как правило, ответом становится гонка вооружений и стремление восстановить нарушенное равновесие сил. Таким образом, программы *цифровой дипломатии* США могут представлять угрозу международной безопасности в том случае, если они нарушают баланс сил на международной арене и провоцируют ответную реакцию. На эту опасность обращает внимание, в частности, специальный координатор по вопросам использования ИКТ в политических целях МИД РФ А. В. Крутских. По его словам, «основная озабоченность в сфере обеспечения международной информационной безопасности связана с возможностью применения информационно-коммуникационных

технологий (ИКТ) в целях, несовместимых с задачами обеспечения международной стабильности и безопасности»³³.

Подтверждением тому, что программы *цифровой дипломатии* воспринимаются как угроза на международной арене, служит существующая тенденция к *фрагментации* глобальной информационной сферы, вычленения из нее национальных и региональных сегментов. На неформальном саммите Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в августе 2011 г. обсуждалась возможность введения *информационных границ* с целью оградить государства-участницы от негативных последствий *цифровой дипломатии*.

Показательно, что крупные компании интернет-индустрии зачастую принимают правила игры: *Yahoo!*, *Google* и другие IT-корпорации сотрудничают с авторитарными правительствами и передают конфиденциальную информацию о своих пользователях, блокируют определенные типы поисковых запросов. После непродолжительного конфликта *Google* с правительством Китая в 2010 г., поводом для которого стали атаки китайских хакеров на корпоративные сети компании и кража персональных данных пользователей ее сервисов, IT-гигант возобновил свою работу на рынке КНР³⁴. В этих условиях возникает опасность *фрагментации* интернета, распада его на несколько несвязанных сегментов. Такого рода фрагментация возможна либо за счет формирования закрытых, внутригосударственных *островов* внутри глобальной сети интернета, либо формирования параллельных проектов интернета за счет создания альтернативной системы доменных имен DNS³⁵.

Результатом нарушения баланса сил также становится гонка вооружений в информационной сфере. Китай еще в 2001 г. заявил о том, что в условиях существенного отрыва Соединенных Штатов в научно-технологической сфере достижение паритета не представляется возможным, и в этих условиях КНР будет ориентироваться на информационные средства воздействия. Все большее число государств вовлекаются в реализацию программ по созданию таких средств воздействия, а также по ведению информационных войн. По данным Главного контрольного управления Конгресса США на 2005 г., более 120 стран занимались разработками в области информационного оружия³⁶, считая такую деятельность адекватным ответом на свою неспособность поддерживать баланс сил на международной арене. Также в ряде стран сегодня разрабатываются концепции ведения информационных войн и предпринимаются попытки их реализации. Между тем, дальнейшее движение по этому пути может расшатать сложившуюся систему международной безопасности и контроля над вооружениями. Как убедительно показал в своей работе Мартин Либицки, один из признанных классиков теории информационной войны, традиционные меры сдерживания в информационном пространстве малоэффективны вследствие дешевизны и доступности для террористических и преступных группировок информационного оружия, сложности выявления источника угрозы³⁷.

Информатизация порождает новые угрозы и для государств-лидеров, усиливая *асимметричную* составляющую современных конфликтов, в результате чего уязвимыми оказываются развитые в технологическом плане государства. По мнению ряда исследователей, американская военная мощь и развитие информационного оружия на деле лишь способствовали провоцированию глобальной конфликтности, — в том числе за счет попытки противников США создать ядерное оружие, и ослабили безопасность, для обеспечения которой предназначались³⁸. Кроме того, двоякое влияние ИКТ на международную безопасность проявляется, с одной стороны, в их содействии демократизации (что и является их целью в соответствии с официальной позицией США) и, следовательно, снижению конфликтности. С другой стороны, информационные технологии являются удобным инструментом для создания асимметричных угроз и наращивания политического влияния, результатом чего становится провоцирование новых вооруженных столкновений³⁹.

Несколько иной взгляд на проблему предлагает известный американский политолог и социолог Мануэль Кастельс. По его мнению, появление *цифровой дипломатии* следует рассматривать не как угрозу международной безопасности, а скорее как источник новых возможностей для развития и разрешения современных глобальных проблем, масштаб которых не соизмерим с возможностями и ресурсами отдельно взятого государства. Подобная разница между уровнем проблем и возможностями по их разрешению формирует запрос на *глобальное управление*. Глобальные информационные сети и социальные медиа предлагают возможности для формирования глобального гражданского общества и глобальных дискуссий. Публичная дипломатия в таком контексте рассматривается не как дипломатия государства, но как *народная дипломатия*, которая создает основу для национальной публичной дипломатии и действует *поверх* межгосударственных отношений, основываясь на общих подходах⁴⁰.

Действительно, обсуждение внешней политики и глобальных проблем на уровне не только дипломатов, но и рядовых пользователей интернета и мобильных телефонов может способствовать укреплению международной безопасности благодаря формированию атмосферы доверия в международных отношениях. В этом контексте программы *цифровой дипломатии* способствуют формированию единого информационного пространства, глобального гражданского общества, а также складыванию системы управления в мировой политике и разрешения кризисов и проблем, затрагивающих все страны мира.

Однако важно понимать, что все противоречия, которые существуют в межгосударственных отношениях, характерны и для информационной сферы. Как отмечает Кастельс, сегодня в мире наметился новый раунд борьбы за власть в глобальном информационном пространстве. Такой тезис подтверждается многочисленными примерами: систематической цензурой электронной почты в Китае, принятием Евросоюзом законопроектов, направленных на регулирование в области ИКТ, закупки различными игроками сайтов социальных сетей с целью отслеживания их использования и поведения пользователей, выработки и продвижения инициатив, направленных на дифференциацию сетевого трафика, и массой других процессов⁴¹.

Информация на сегодняшний день является ключевым ресурсом *мягкой силы* на международной арене. *Мягкая сила* предполагает использование методов воздействия, ориентированных на коммуникацию. Автор концепции *мягкой силы* Джозеф Най определял ее следующим образом: «*Мягкая сила* — это способность добиваться желаемого за счет добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек»⁴². Най противопоставляет *мягкую силу*, ориентированную на привлекательность страны за счет ее культуры, идеалов или программ, *жесткой силе*, обусловленной военной или экономической мощью нации. В упомянутом труде *Будущее власти* автор приходит к выводу о том, что в эпоху информационной глобализации в международной политике трансформируется само содержание власти, которая опирается уже не на военные, а на информационные ресурсы. «В век информации может победить тот, кто способен представить себя в лучшем свете»⁴³. Именно на это направлены программы *цифровой дипломатии* Соединенных Штатов.

Неудивительно, что расширение возможностей США в области глобального информационного влияния за счет использования средств информационного воздействия и *цифровой дипломатии* порождает у менее продвинутых в этой сфере государств ощущение уязвимости и желание отгородиться от глобального информационного пространства, а также создавать собственные информационные средства воздействия, в том числе принимать программы ведения информационных войн. Ситуация усугубляется за счет того, что государства рассматривают программы *цифровой дипломатии* США как попытку вмешательства во внутрен-

ние дела, угрожающую нарушением их государственного суверенитета. Наличие таких опасений подтверждают регулярные попытки закрыть доступ к сервисам *Facebook*, *YouTube*, *Blogspot* — в разные периоды времени они были заблокированы во Вьетнаме, Иране, Саудовской Аравии, Египте, Пакистане, Мьянме, Северной Корее и ряде других стран⁴⁴.

В этом контексте не столь важно, что именно представляет большую угрозу для международной безопасности — политика США, направленная на закрепление превосходства в информационной сфере, или ответная реакция авторитарных государств, таких как Китай или Пакистан, которая создает опасность фрагментации глобального информационного пространства. Важно, что оба явления порождаются логикой международной политики в информационной сфере, неизбежной составляющей которой является борьба за лидерство.

Развитие информационных технологий, в том числе социальных сетей, создает новые технологии для реализации внешнеполитических целей, усиления *мягкой* и *жесткой силы* государства. При этом однозначно разделить *мягкую* и *жесткую* силу весьма непросто. Соединенные Штаты стремятся укрепить свое лидерство в глобальном информационном пространстве, однако даже лидеры становятся уязвимы, что лишь усиливает международную нестабильность. С развитием глобальной сети устаревают традиционные механизмы обеспечения международной безопасности и стабилизации международных отношений, а новые, такие как многоуровневая дипломатия и многосторонние партнерства, пока находятся на начальной или ранней стадиях развития.

ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ, ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ

Рассматривать потенциал *цифровой дипломатии* для России необходимо с учетом нынешней роли и потенциала дальнейшего развития информационного сектора для отечественной экономики, национальной безопасности, системы государственного управления. На сегодняшний день РФ является одним из наиболее динамичных и устойчиво растущих ИТ-рынков в мире⁴⁵. Доля активных пользователей глобальной сети в России на конец 2011 г. составила, по данным Фонда Общественного Мнения (ФОМ), порядка 46 % населения⁴⁶. По данным исследования, проведенного компанией *TNS*, самой посещаемой социальной сетью *Рунета* в 2011 г. стала *ВКонтакте*, куда заходили 12 млн человек в день, на втором месте оказались *Одноклассники* с 7,2 млн человек в день, за ними следует *Мой мир* с 5,3 млн человек. Наиболее быстрыми темпами в том же году росла сеть *Facebook*, ежедневная аудитория которой достигла 1,2 млн человек⁴⁷. Появились первые сайты в кириллическом домене *.rf*, а вклад интернет-сектора в национальную экономику составил порядка 2% от ВВП⁴⁸. Министерство связи и массовых коммуникаций РФ ведет работу над перечнем стратегических компаний российской интернет-индустрии⁴⁹. Рост внимания российского политического руководства к инновационному потенциалу интернета иллюстрирует и тот факт, что к участию в работе Фонда Сколково приглашены главы таких ведущих мировых ИТ-компаний, как *Google*, *Cisco*, *Nokia* и *Siemens*.

Высокий приоритет российских национальных интересов в области ИКТ подтверждается продолжающимся ростом масштабов использования интернета, его экономической значимостью, а также процессом формирования электронного правительства. В соответствии с документами Федеральной целевой программы «Электронная Россия» (2002–2010 гг.), развитие ИКТ рассматривается в качестве инструмента повышения конкурентоспособности экономики, расширения возможностей ее интеграции в мировую систему хозяйства, повышения эффективности государственного управления и местного самоуправления⁵⁰.

Внимание к инновационному потенциалу интернета иллюстрирует тот факт, что в состав Фонда, ответственного за развитие высокотехнологичного кластера *Сколково*, были включены главы крупнейших мировых ИТ-компаний, в том числе *Cisco* и *Nokia*.

Российские государственные органы также наращивают свое присутствие в интернете. В 2002 г. появился первый сайт президента России, в 2008 г. был запущен президентский видеоблог, а начиная с 2010 г. ведется аккаунт микроблога *Twitter*. Свои сайты на сегодняшний день имеют все федеральные министерства, ведомства и иные органы государственной власти. Министерство иностранных дел РФ предоставляет всем желающим возможность следить за актуальными событиями внешней политики в социальных сетях, в частности используя площадки *Facebook* и *Twitter*.

В то же время, развитие интернета в России и в мире все чаще рассматривается государственными органами сквозь призму вопросов безопасности. В Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г. информационная безопасность рассматривается в качестве одной из важнейших составляющих национальной безопасности страны⁵¹. Интернет видится в том числе как канал распространения экстремизма и терроризма, навязывания чуждой идеологии и внешнеполитической пропаганды. Примечательный анализ политики российских властей в области регулирования Рунета провел французский исследователь Жюльен Носетти. В соответствии с основным выводом исследования, власти РФ пытаются *фрагментировать* глобальную сеть, чтобы *обособить* ее российскую составляющую. Главным мотивом такой политики служит «стремление к технологической независимости от мировых — и преимущественно американских — игроков в области информационных технологий»⁵².

Стоит отметить, что с начала 1990-х гг. РФ регулярно выдвигает инициативы по обеспечению международной информационной безопасности (МИБ). В 2011 г. такие инициативы — за авторством России и ШОС — получили развитие. На сессии Генеральной Ассамблеи ООН российской стороной были представлены концепция Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности, а также проект Правил поведения в области обеспечения международной информационной безопасности⁵³. К настоящему моменту эти проекты не превратились в акты международного права, однако они отражают магистральный курс России и ее союзников по вопросам обеспечения МИБ и имеют шансы на широкую поддержку на мировой арене.

На фоне активности Российской Федерации в области информационной безопасности есть основания говорить о том, что в настоящее время интернет недостаточно используется российским государством в качестве инструмента внешней политики и дипломатии, средства укрепления *мягкой силы*, повышения привлекательности образа страны. Являясь движущей силой неоднозначных по своей сути процессов глобализации, интернет открывает перед обществом и госструктурами новые перспективы. Глобальная сеть может послужить задаче наращивания Россией своей *мягкой силы* и формированию позитивного образа страны на международной арене, популяризации ее богатого культурного наследия.

Важно помнить, что субъектами глобальной информационной сферы сегодня являются не только государства, но и транснациональные медиакорпорации, организации гражданского общества, сообщества социальных сетей как самостоятельные субъекты, например, сетевое антиглобалистское движение, а также отдельные индивидуумы. Равным образом и в перспективной *цифровой дипломатии* важную роль, помимо госорганов, должны играть как бизнес-структуры, так и организации гражданского общества. В этих условиях в рамках глобальной информационной сферы начинают складываться новые, многоуровневые модели международного

сотрудничества и дипломатии, в которых принимают участие как государства, так и вышеперечисленные *новые* акторы мировой политики. Подобные модели получают распространение в России: так, с 2010 г. проводится ежегодный Российский форум по управлению интернетом, чья площадка объединяет представителей государства, частных экспертов и ключевых игроков *Рунета* и глобальной информационной сферы.

Как представляется, одним из наиболее перспективных направлений российской *цифровой дипломатии* является вовлечение технологического отечественного бизнеса в проекты в сфере публичной дипломатии. Первые шаги на данном направлении уже были сделаны. Успешен опыт поисковой компании *Yandex*, которая сегодня обрабатывает большую часть запросов русскоязычного интернета, социальной сети *ВКонтакте*, популярной не только в России, но и во многих странах зарубежья, включая государства СНГ, Израиль, Германию и США. В последние годы ускорилась интеграция российских интернет-компаний в мировую информационную и инновационную среду. В качестве примеров можно упомянуть создание фонда *DST Global* с глобальной структурой IT-активов, включающей доли в *Facebook*, *Twitter* и *Zynga*, покупку *Живого Журнала* компанией *СУП Медиа*, создание офиса *Yandex* в американской Кремниевой долине.

В формирование позитивного образа российской политики и дипломатии весомый вклад вносят телеканалы *Первый канал* и *RT* (бывший *Russia Today*), вещающие также в цифровом пространстве. Уже созданы блоги российских государственных чиновников и дипломатов на русском и английском языках, на порталах государственных органов публикуются открытые данные об их деятельности. Вместе с тем, компании *Рунета* могут быть более активно задействованы в российской *цифровой дипломатии* для популяризации русского языка и культуры, эффективного донесения российского видения международных проблем до глобальной аудитории.

Услуги компаний и сервисов российского сегмента глобальной сети пользуются популярностью у русскоязычного населения независимо от места проживания. Представляется целесообразным создание и продвижение этими компаниями инициатив, направленных на взаимодействие с зарубежными русскоязычными диаспорами, в том числе научными и профессиональными. Возможным вариантом такого взаимодействия могло бы стать создание специального информационного портала, который предоставлял бы актуальную информацию о возможностях сотрудничества русскоязычной научной диаспоры за рубежом с научными институтами в РФ, создавал бы прямые каналы коммуникации и способствовал решению организационных вопросов такого взаимодействия.

Еще одним перспективным направлением развития российской цифровой дипломатии является использование потенциала интернет-краудсорсинга⁵⁴. Как показали результаты проекта *Карта помощи*, созданного для онлайн-координации усилий граждан по преодолению последствий лесных пожаров летом 2010 г.⁵⁵, интернет представляет собой важный инструмент так называемого *умного краудсорсинга* и гражданских инициатив, в том числе трансграничных. Такие проекты, как *Карта помощи*, *Карта пожаров* и подобные им ресурсы интернет-краудсорсинга, на интерактивных платформах могут быть организованы с прицелом не только на российскую, но и на глобальную аудиторию, позволяя решать актуальные общественные проблемы, развивать гражданское общество и повышать эффективность взаимодействия власти и государства, формировать позитивный образ страны. Реализация проектов, аналогичных *Карте помощи*, эффективна в социальных сетях, таких как *ВКонтакте*, *Facebook*, *Twitter*, а также на специализированных платформах типа *Ushahidi*.

В числе возможных вариантов практического применения краудсорсинга для нужд цифровой дипломатии:

- составление интерактивных карт угроз и проблемных объектов, обсуждаемых на высоком уровне;
- создание интерактивных политико-дипломатических сообществ;
- запуск платформ для обмена открытой информацией по *горячим* вопросам и каналов широкого информирования общественности в случае кризисов.

Использование возможностей таких платформ для решения вопросов в рамках дипломатической повестки даст России возможность существенно повысить эффективность и охват своей дипломатии с относительно небольшими, как представляется, затратами.

Для эффективного и инновационного развития России необходимы новые внешнеполитические проекты в цифровой сфере, направленные на укрепление *мягкой силы* и развитие науки, технологий и образования. При реализации таких проектов государство должно учитывать не только угрозы, но и возможности, предлагаемые электронной информационной средой. Подобные возможности предоставляет уже наработанный и перспективный инструментарий *цифровой дипломатии*, которая не должна оставаться исключительной прерогативой Соединенных Штатов. Важно понимать, что информационные технологии могут трансформироваться и меняться, но при этом они представляют один из ключевых технологических продуктов сегодняшнего общества, привносящих в глобальный миропорядок все более выраженный элемент сетецентричности. Именно поэтому государственным структурам, в том числе тем, чьи функции связаны с внешнеполитической повесткой, важно не *откладывать их освоение в долгий ящик*.

Согласно распространенной точке зрения, современные достижения ИКТ, в том числе и социальные сети, уже не выйдут из употребления и не исчезнут в процессе развития технологии. При такой постановке проблемы можно либо опасаться утраты возможности управлять их развитием и содержанием, либо признать невозможность жесткого и полного контроля над ними и попытаться мягко направлять протекающие в них процессы в соответствии с собственными интересами⁵⁶. Эти выводы вполне применимы и к российской внешней политике в интернете. Важно попытаться найти баланс между безопасностью и проактивной внешней политикой в информационном пространстве, направленной на укрепление *мягкой силы* и повышение привлекательности России в мире. Необходимо вовлекать в задачи реализации внешнеполитических целей представителей частного сектора и гражданского общества при ведущей и координирующей роли государства. При этом обеспечение информационной безопасности как на национальном, так и на международном уровне остается обязанностью и прерогативой государства.

При подобном понимании задач политики РФ в информационном пространстве *цифровая дипломатия* может стать передовым орудием продвижения наших национальных интересов на мировой арене — при условии инвестирования в нее достаточных интеллектуальных, технологических и организационных ресурсов. Россия имеет такие ресурсы в распоряжении, однако самым дефицитным из них сегодня является время. По этой причине активизация усилий госструктур в рассматриваемой сфере должна рассматриваться в качестве приоритета на самое ближайшее будущее.

Примечания

¹ См. подробнее: Цветкова Н. Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США. *США и Канада: Экономика, политика, культура*. 2011. № 3. С. 109–122.

² Babst S. NATO's New Public Diplomacy: The Art of Engaging and Influencing. Atlantic-Community. 2009, February 20, http://www.atlantic-community.org/index/articles/view/NATO's_New_Public_Diplomacy%3A_The_Art_of_Engaging_and_Influencing (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).

³ IT Strategic Plan: Fiscal Years 2011–2013 Digital Diplomacy. US Department of State. 2010. September 1, <http://www.state.gov/m/irm/rls/148572.htm> (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).

⁴ Цветкова Н. Цит. соч. С. 110.

⁵ World Internet Usage and Population Statistics. World Internet Usage Stats. 2011. December 31, www.internetworldstats.com (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).

⁶ Slaughter A. America's Edge. *Foreign Affairs*. 2009, № 1, January/February, <http://www.foreignaffairs.com/articles/63722/anne-marie-slaughter/americas-edge> (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).

⁷ Цветкова Н. Цит. соч. С. 112.

⁸ 21st century statecraft. U.S. Department of State. <http://www.state.gov/statecraft/overview/index.htm> (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).

⁹ Цветкова Н. Цит. соч. С. 114–116.

¹⁰ Public Diplomacy: Strengthening U. S. Engagement with the World. A Strategic Approach for the 21st Century, 2010, <http://www.carlisle.army.mil/DIME/documents/Public%20Diplomacy%20US%20World%20Engagement.pdf> (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).

¹¹ Там же.

¹² Khatib L. et al. Public Diplomacy 2.0: An Exploratory Case Study of the US Digital Outreach Team. Oxford Internet Institute. CDDRL working papers. 2011, № 120, http://uscpublicdiplomacy.org/media/Exploratory_Case_Study_US_Digital_Outreach_Team.pdf (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).

¹³ Movements.org. <http://www.movements.org> (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).

¹⁴ Khatib L. et al. Public Diplomacy 2.0: An Exploratory Case Study of the US Digital Outreach Team. Oxford Internet Institute. CDDRL working papers. 2011, № 120, http://uscpublicdiplomacy.org/media/Exploratory_Case_Study_US_Digital_Outreach_Team.pdf (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).

¹⁵ International Strategy for Cyberspace. Prosperity, Security, and Openness in a Networked World. The White House Official Website. 2011. May, http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/international_strategy_for_cyberspace.pdf (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).

¹⁶ IT Strategic Plan: Fiscal Years 2011–2013 Digital Diplomacy. U. S. Department of State. 2010, September 1, <http://www.state.gov/m/irm/rls/148572.htm> (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).

¹⁷ Черненко Е. Интернет-протокольная служба Госдепа. *Газета Коммерсантъ*. 2011, 15 сентября, <http://www.kommersant.ru/doc/1773567/print> (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).

См. также:

Tech@State. U. S. Department of State. <http://www.state.gov/statecraft/tech/index.htm> (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).

“Tech@State: Serious Games Conference” Unlocks Human Potential Through Play. Dipnote. U.S. Department of State Official Blog. 2011, June 6, http://blogs.state.gov/index.php/site/entry/techstate_serious_games_conference (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).

¹⁸ Department of Defense Strategy for Operating in Cyber Space. U.S. Department of Defense. 2011. July. <http://www.defense.gov/news/d20110714cyber.pdf> (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).

¹⁹ Более подробно о подходах США к военно-стратегическим аспектам безопасности киберпространства см. статью в этом номере *Индекса Безопасности* статью: Демидов О. Социальные сетевые сервисы в контексте международной и национальной безопасности. *Индекс Безопасности*. 2013. Весна. № 1 (104). С. 65–86.

²⁰ National security strategy. The White House. 2010, May, http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).

²¹ Роговский Е. США: информационное общество. Экономика и политика. М.: Международные отношения, 2008. С. 354.

²² Более подробно о влиянии социальных сетей на общественно-политические процессы в контексте *Арабской весны*, а также на национальную и международную безопасность см. в настоящем номере *Индекса Безопасности* статью: Демидов О. Социальные сетевые сервисы в контексте международной и национальной безопасности.

²³ Чернобай А. Роль социальных сетей в мобилизации протестных настроений на Ближнем Востоке и в Северной Африке в январе-марте 2011 года. *Идеологические аспекты военной безопасности*. 2011, № 1, <http://mod.mil.by/iavb/2011n1/9.pdf> (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).

²⁴ Росс А., Скотт Б. Социальные СМИ: причина, следствие и реагирование. *Вестник НАТО*. http://www.nato.int/docu/review/2011/Social_Medias/21st-century-statecraft/RU/index.htm (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).

²⁵ См.: J. Nye. The future of power. NY: Public Affairs, 2011. 300 p.

²⁶ Aday S. et al. Blogs and bullets. New media in contentious politics. United States Institute of Peace. 2010, № 65, <http://www.newmediacenter.ru/wp-content/uploads/2011/10/adayetal2010.pdf> (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).

²⁷ Civil Movements: The Impact of Facebook and Twitter. — Arab social media report. 2011, May, Vol 1. № 2, <http://www.dsg.ae/portals/0/ASMR2.pdf> (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).

²⁸ Morozov E. The Digital Dictatorship. *The Wall Street Journal*. 2010, February 20, <http://online.wsj.com/article/SB10001424052748703983004575073911147404540.html> (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).

²⁹ Khatib L. et al. Public Diplomacy 2.0: An Exploratory Case Study of the US Digital Outreach Team. Oxford Internet Institute. CDDRL working papers. 2011, January, № 120, http://uscpublicdiplomacy.org/media/Exploratory_Case_Study_US_Digital_Outreach_Team.pdf (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).

³⁰ Цит. по: Khatib L. et al. Public Diplomacy 2.0: An Exploratory Case Study of the US Digital Outreach Team. Oxford Internet Institute. CDDRL working papers. 2011, № 120, http://uscpublicdiplomacy.org/media/Exploratory_Case_Study_US_Digital_Outreach_Team.pdf (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).

³¹ Кулагин В. Глобальная или мировая безопасность. *Международные процессы*. 2006, № 14. <http://www.intertrends.ru/fourteen/004.htm> (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).

³² См. подробнее статью в этом номере *Индекса Безопасности*: Демидов О. Обеспечение международной информационной безопасности и российские национальные интересы.

- ³³ Крутских А. К политико-правовым основаниям глобальной информационной безопасности. Международные процессы. 2007. № 1 (5). <http://www.intertrends.ru/thirteen/003.htm> (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).
- ³⁴ См. например: Google возвращается в Китай. *Ведомости*. 2012, 13 января, http://www.vedomosti.ru/tech/news/1473990/konec_bojkotu (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).
- ³⁵ См.: The future of the internet. A virtual counter-revolution. *The Economist*. 2010, September 2, <http://www.economist.com/node/16941635> (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).
- ³⁶ Крутских А., Сафронова И. Международное сотрудничество в области информационной безопасности. Портал «Информационно-коммуникационные технологии в образовании». <http://www.ict.edu.ru/ft/002472/intcoop.pdf> (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).
- ³⁷ См.: Libicki M. Cyberdeterrence and Cyberwar. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2009. <http://www.rand.org/pubs/monographs/MG877> (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).
- ³⁸ Болгов Р. Информационные технологии в современных вооруженных конфликтах и военных стратегиях (политические аспекты): Автореф. дисс. ... канд. политол. наук. СПб: СПбГУ, 2010. С. 12.
- ³⁹ Там же. С. 13.
- ⁴⁰ Castells M. The New Public Sphere: Global Civil Society, Communication Networks, and Global Governance. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science* 2008. № 616. http://prtheories.pbworks.com/w/file/etch/45138545/Castells_2008_The_New_Public_Sphere.pdf (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. NY: Public Affairs, 2004. 191 p.
- ⁴³ Nye J. *The future of power*. NY, 2011. 300 p.
- ⁴⁴ Freedom on the Net. A Global assessment of Internet and Digital Media. Freedom House. 2009. April 1. <http://www.state.gov/documents/organization/135959.pdf> (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).
- ⁴⁵ Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 годы)». Юридическая компания «Интернет и право». 2010, 2 марта, <http://www.internet-law.ru/intlaw/laws/e-rus.htm> (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).
- ⁴⁶ Интернет в России. Методика и основные результаты исследования. Фонд Общественное Мнение. Аналитический бюллетень. 2011. Весна. Вып. 33. <http://bd.fom.ru/pdf/Internet%20v%20Rossii%20vol%2033%20vesna%202011%20short.pdf> (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).
- ⁴⁷ Гаврилюк А. За год число пользователей Интернета в России выросло на 14%. RBC Daily. 2011, 10 февраля, <http://www.rbcdaily.ru/2011/02/10/media/562949979689739> (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).
- ⁴⁸ Россия онлайн: влияние интернета на российскую экономику. Отчет Boston Consulting Group. 2011, 1 мая, <http://img.rg.ru/pril/article/48/57/59/000111333.pdf> (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).
- ⁴⁹ Кошкина Э. Власти РФ возьмут под контроль инвестиции иностранцев в Интернет. Компьюлента. 2009, 9 апреля, <http://net.compulenta.ru/417783> (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).
- ⁵⁰ Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 годы)». Утверждена 28.01.2002. Постановление Правительства РФ № 65. <http://www.internet-law.ru/intlaw/laws/e-rus.htm> (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).
- ⁵¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Официальный сайт. <http://www.mid.ru/ns>

osndoc.nsf/0e9272befa34209743256c630042d1aa/8abb3c17eb3d2626c32575b500320ae4?OpenDocument (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).

⁵² Носетти Д. Кремль «ВКонтакте»: власть и интернет в России. Доклад. Центр Россия/ННГ, апрель 2011 г. http://www.pircenter.org/kosdata/page_doc/p2734_1.pdf (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).

⁵³ См. подробнее статью в этом номере *Индекса Безопасности*: Демидов О. Обеспечение международной информационной безопасности и российские национальные интересы.

⁵⁴ Более подробно см. статью в настоящем номере *Индекса Безопасности*: Демидов О. Социальные сетевые сервисы в контексте международной и национальной безопасности.

⁵⁵ Карта помощи пострадавшим от пожаров: Интернет-ресурс. <http://www.russian-fires.ru> (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).

⁵⁶ См. например: Lichtenstein J. Digital Diplomacy. *The New York Times Magazine*. 2010. July 16. <http://www.nytimes.com/2010/07/18/magazine/18web2-0-t.html?pagewanted=all> (последнее посещение — 31 августа 2012 г.).